

⁵ Рассчитано по: Архив Магнитогорского бюро ЗАГС: Книга учета архивного фонда книг о рождении; Книга учета архивного фонда книг о смерти.

⁶ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 29.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 46; Магнитогорский краеведческий музей. Ф. 5243/1.

¹¹ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.

¹² МГА. Ф. 12. Д. 11. Л. 2.

¹³ Воспоминания А.И. Чесноковой, записанные Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹⁴ Загребин С.С. Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 11. С. 84.

¹⁵ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливые детство» // Социальная история: Ежегодн. 1997. М., 1998. С. 166.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Яворская Е.К. Памятный год // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. Л. 9.

*С.А. Нефедов
(Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМА ВЕЛИКОЙ СМУТЫ: КРИЗИС В ПЕРИОД РОСТА

Причины катастрофы, произошедшей в России в начале XVII в., до сих пор вызывают дискуссии среди историков. В советской историографии господствовала концепция Б.Д. Грекова–В.И. Корещкого, которая объясняла кризис тем, что «с ростом потребностей господствующего класса» в XVI в. началось «широкое наступление феодалов» на крестьян; оно сопровождалось развитием барщинной системы хозяйства, ростом государственных налогов и частновладельческих повинностей. Крестьяне отвечали на это наступление классовою борьбой, вылившейся в Крестьянскую войну начала XVII в.¹ Однако эта концепция встретила возражения со стороны ряда исследователей; по мнению А.Л. Шапиро, в России (в отличие от большинства восточноевропейских стран) рост барщины не был основным фактором процесса закрепощения². Еще один диссонанс в общепринятую схему был внесен работами Г.Е. Абрамовича, В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева, которые показывали, что в 1580-х гг. наблюдалось не увеличение, а уменьшению платимых крестьянами государственных налогов³.

Смена власти в 1991 г. способствовала еще большей противоречивости суждений. Р.Г. Скрынников выступил с критикой взглядов В.И. Корещкого, назвав Крестьянскую войну начала XVII в. «историографическим мифом»⁴. В работах Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского, Ч. Даннинга и некоторых других авторов делается акцент на сложном, комплексном характере конфликта, на смену понятию «крестьянской войны» приходит концепция «гражданской войны»⁵. Вновь стала популярной концепция С.М. Соловьева, отрицавшая социальный характер Крестьянской войны. «Восставшие стремились истребить бояр и дворян, чтобы занять их место, — пишут А.Л. Юрганов и Л.А. Кацва. — Восставших вело стремление к обогащению»⁶. Новый учебник для вузов объясняет «великое разорение» политикой Ивана Грозного; это разорение вызвало бегство крестьян и, чтобы остановить их, царь ввел «заповедные лета», заложившие основу крепостного права⁷. Однако в этом вопросе так же нет единства мнений; С.Г. Скрынников считает, что причи-

ной разорения были стихийные бедствия, неурожай и эпидемия — то есть в основном случайные факторы⁸.

Таким образом, оценки событий конца XVI — начала XVII вв. разнообразны и противоречивы. Причины кризиса 1570-х гг., степень и характер его влияния на политику закрепощения остаются неясными, вопрос о социальной природе Смуты является предметом дискуссий.

Завоевавшая большую популярность демографически-структурная теория объясняет экосоциальные кризисы нехваткой ресурсов, которая возникает в результате перенаселения. Рост населения приводит к падению потребления, а в неурожайные годы — к голоду и голодным бунтам. С другой стороны, перенаселение в элите вызывает ее оскудение и фрагментацию, причем недовольные фракции элиты устраивают мятежи или присоединяются к народным восстаниям. Государство в условиях всеобщего оскудения не может собрать налоги, что приводит к финансовому кризису и в сочетании с мятежами и восстаниями — к брейкдауну, к национальной катастрофе⁹.

В состоянии ли эта схема объяснить причины Великой Смуты? Р. Крами высказал обоснованные сомнения по этому поводу¹⁰. Дело в том, что кризис Смуты пришелся на время падения численности населения после кризиса 1568–1572 гг., что противоречит положению демографически-структурной теории о том, что кризисы являются результатами перенаселения. Разрушительный кризис 1568–1572 гг., по некоторым оценкам, привел к гибели 30–50 % населения¹¹, и население не могло восстановиться в 30-летний период между катастрофами. Имеющиеся данные о реальной заработной плате отдельных категорий работников говорят о том, что после кризиса заработная плата возросла примерно в 2,5 раза; с другой стороны, оброки на помещьных землях упали примерно в 3 раза¹². Рост реальной заработной платы и уменьшение ренты были прогнозируемыми демографически-структурной теорией последствиями сокращения численности населения. Таким образом, положение крестьянства в 1580-е гг. было относительно благоприятным — и с этой точки зрения голод 1601–1603 гг. и разразившаяся затем гражданская война выглядят совершенно неожиданными событиями.

Тем не менее, демографически-структурная теория в состоянии объяснить эти события — нужно лишь перейти от рассмотрения динамики населения в целом и к анализу распределения ресурсов внутри структуры «государство–элита–народ». Дело в том, что падение численности населения после кризиса 1568–1572 гг. не повлекло за собой уменьшения численности элиты. В 1588 г. численность дворянского войска составляла 80 тыс. всадников, причем 65 тыс. из них ежегодно выходили на сторожевую службу на южной границе¹³. По сравнению с временами Василия III, когда службу на южной границе несли 20 тыс. всадников, количество конницы увеличилось в 3–4 раза. Можно предположить, что и численность дворян увеличилась в такой же пропорции, в то время как население страны после пережитой демографической катастрофы, по-видимому, не превосходило той численности, которая была при Василии III. Таким образом, количество крестьян у одного помещика-дворянина сократилось в среднем в 3–4 раза, в то время как оброки сократились в 3 раза — то есть дворяне получали от своих крестьян примерно в 10 раз меньше, чем до катастрофы. «Обращение к материалам разрядных книг за 1578–1579 показывает, с каким трудом

приходилось заставлять "оскудевших" служилых людей выступать в походы, — отмечал В.И. Корецкий. — Ни угрозы битья кнутом, ни даже смертной казни уже не действовали»¹⁴.

Ситуацию, сложившуюся в России в 1580-х гг., естественно назвать структурным кризисом — это кризис одного из элементов структуры «государство–элита–народ», а именно элиты, имевший место вследствие перераспределения ресурсов внутри структуры. Кризисы такого рода встречаются достаточно часто, и типичной причиной их возникновения является эпидемиологическая катастрофа, наподобие катастрофы 1568–1572 гг. В результате глобальной эпидемии, сопровождаемой голодом, резко уменьшается численность простого народа, в то время как численность элиты остается прежней, поскольку поместья наследуются родственниками умерших дворян. В Европе подобный структурный кризис возник после Черной Смерти 1348 г., когда уменьшение численности крестьян на много увеличило цену рабочей силы, и дворянство оказалось перед лицом резкого падения доходов. В соответствии с анализом социальных последствий Великой Чумы, выполненным П. Фридменом¹⁵, в европейских странах были реализованы два варианта выхода из кризиса. Первый вариант — это введение крепостного права, которое позволяло в несколько раз увеличить барщину и оброки. Крепостное право одержало победу в Польше, Венгрии, Каталонии, Пруссии, в Ливонии, на датских островах. Но существовал и другой вариант социального развития. В Англии дворянство попыталось было укрепить безземельных крестьян (которые там составляли большинство населения), но эта попытка привела к восстанию Уота Тайлера, и английским крестьянам удалось отстоять свою свободу. В итоге экономический процесс реализовался в полном соответствии с демографически-структурной теорией: уровень потребления крестьян увеличился, а уровень продолжал падать, и английское дворянство было вынуждено увеличивать свои доходы другим способом. Далее, также в соответствии теорией, в условиях острого недостатка доходов элита стала фрагментироваться и распалась на группировки, которые вступили в борьбу за ресурсы между собой и с государством. В Англии начался долгий период междоусобных войн, известных как «Войны Алой и Белой розы».

Таким образом, в «восточноевропейском» варианте дворянство ответило на падение своих доходов захватом власти и введением крепостного права, то есть радикальной трансформацией структуры «государство–элита–народ» и резким перераспределением ресурсов в свою пользу. В другом, «западноевропейском», варианте дворянство оказалось не в состоянии произвести трансформацию структуры и остановить мальтузианское развитие событий. В этом случае падение доходов дворянства привело к его расколу на группировки, которые начали междоусобную борьбу за ресурсы. Войны продолжались до тех пор, пока численность дворянства не уменьшилась, что позволило восстановить равновесие между численностью элиты и численностью населения. Оба эти варианта развития событий могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории. Выбор одного из двух вариантов развития определялся военно-техническим фактором, соотношением сил дворянской элиты и простого народа. В странах, где простонародье имело Большой Лук или стрелецкий «самопал», оно могло противопоставить политике закрепощения веские аргументы. Но там, где народ был безоружен, его ждала судьба крепостных или рабов.

В России крепостное право было введено в конце 1580-х — начале 1590-х гг. Закрепощение сразу же привело к помещичьему произволу и жестокому насилию над крестьянами. Уже в 1590-х гг. отмечались факты замаскированной купли-продажи крестьян¹⁶. Очевидно, положение в разных поместьях было неодинаковым, многое зависело от личности помещика. Однако факт заключался в том, что крепостное право позволило помещикам увеличивать повинности и оброки крестьян. Достаточно одного примера, чтобы показать, какими могли быть эти повинности. В трех деревнях ничем не примечательного помещика Степана Рахманова на Новгородчине в 1599 г. имелось 13 крестьянских дворов и 2 выги тяглой земли. Крестьяне в этом поместье несли барщину и платили 860 денег оброка с выги; если же они хотели откупиться от барщины, то оброк увеличивался вдвое, до 1730 денег¹⁷. При пересчете на хлеб получается примерно 20 пуд. на двор — это в два раза больше, чем в дворцовых и монастырских владениях. Таким образом, введение крепостного права нарушило стабилизирующий механизм рынка рабочей силы и дало возможность дворянам увеличить ренту в два-три раза.

Степан Рахманов был по тем временам богатым помещиком, у него было 13 крестьянских дворов. В Тульском уезде средний помещик имел 4 двора¹⁸ — что оставалось делать этому нищему воину? Мелкие и средние помещики были вынуждены отнимать у крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя им никаких запасов. В случае большого неурожая такое положение было чревато страшным голодом, а ведь большой неурожай случался на Руси каждые 6–7 лет.

Лето 1601 г. выдалось холодным и сырым, уже в начале сентября выпал снег, и крестьяне смогли собрать лишь малую часть урожая, а то, что собрали, — это была «зבלая», недозревшая и помороженная рожь. В прежние времена, когда у крестьян были запасы хлеба, один неурожай не смог бы вызвать голод. Теперь же сразу начались большие волнения, и под впечатлением этих волнений уже в ноябре 1601 г. правительство издало указ о крестьянском выходе. Указ разрешал крестьянам уходить от бесхлебных провинциальных дворян, но не позволял уходить из монастырей, из дворцовых имений и от богатых московских дворян. Адрес грядущей беды был обозначен очень точно: правительство понимало, что крестьяне мелких провинциальных помещиков не имеют запасов, что им грозит голод. Голод еще не начался — но царь понимал, что грядущий голод будет следствием политики закрепощения. Годунов пыгался спасти крестьян, отменив (хотя бы на время) крепостное право, разрешив им уходить от своих хозяев¹⁹. Но помещики не отпускали своих крестьян. «Те дети боярские отказчиков быют и в железа куют», — свидетельствует один их документов того времени²⁰. Указ 1602 г., подтверждавший право выхода, признавал, что дети боярские силой держат за собой крестьян²¹. Голодная смерть крестьянина была выгоднее для помещика, нежели его уход со всей семьей и с имуществом. Холопов прогоняли со двора, чтобы они не просили хлеба, но при этом не давали им вольной — чтобы потом, если холоп выживет, предъявить на него свои права²². Один из свидетелей голода писал, что «вымерла треть царства Московского голодной смертью»²³.

Голодающие не имели иных средств к существованию, кроме разбоя, они собирались в отряды, нападали на дома богатых крестьян и на помещичьи усадьбы. С осени 1602 г. «разбоями» были охвачены многие районы страны, сохранились сведения о посылке карательных отрядов во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск,

Медьнь, Ржев, Коломну²⁴. Многие исследователи считают это стихийное повстанческое движение первой вспышкой начинавшейся гражданской войны²⁵.

Во время голода 1601–1603 гг. массы голодающих искали спасения на хлебодородном юге²⁶. Юг был переполнен беженцами, которые ушли от своих помещиков без уплаты «пожилого», то есть считались беглецами и по закону подлежали возвращению своим хозяевам. В 1603 г. царь Борис отменил свободный выход, который продолжался два года, и следовало ждать, что скоро начнется сыск беглых. На юг уходили и разбитые под Москвой отряды повстанцев²⁷, здесь скопилась масса «горючего материала» — и вскоре здесь последовала новая вспышка гражданской войны.

Вождем нового восстания стал самозванец, называвший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. По свидетельству летописи, беглые крестьяне «пошли к самозванцу отчасти и неволей, не имея пристанища нигде»²⁸. Однако основную силу повстанцев составляло местное население, «украинные» крестьяне и казаки. В ряды восставших их толкал не голод и не отчаянное положение беженцев, у них были свои счёты с Б. Годуновым. Еще недавно эти крестьяне были зажиточными свободными людьми, а Годунов отдал их в «крепость» помещикам, теперь они подвергались постоянным грабёжам и побоям со стороны своих новых «хозяев». Приграничных казаков и стрельцов заставляли отбывать изнурительную барщину на «государевой пашне», а между тем эти люди несли сторожевую службу и привыкли держать в руках оружие. Так же как английские крестьяне во времена Уота Тайлера, они могли постоять за себя.

Однако и дворянство южных областей тоже принимало участие в восстании: это были преимущественно бедные дворяне, не имевшие крестьян, обремененные повинностями и испытывавшие далеко не дружественные чувства к московским властям. В соответствии с демографически-структурной теорией борьба за сократившиеся ресурсы фрагментировала элиту и побуждала одни ее группы выступать против других. Для обнищавших воинов-дворян любая смута давала возможность поправить свои дела за счет грабежа; при этом им было выгодно поверить, что претендент, называвший себя Дмитрием, так хорошо игравший свою роль и так много им обещавший, — действительно царский сын²⁹.

Анализ в рамках демографически-структурной теории показывает, что гражданская война характеризовалась сложной группировкой противоборствующих сил. Сравнение с двумя вариантами развития событий, которые имели место в европейских странах после Великой Чумы, позволяет сделать вывод, что российский сценарий был более близок к английскому варианту: так же, как в Англии, после демографической катастрофы мы видим перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и ответные попытки закрепощения крестьян. В Англии эти попытки сразу же привели к крестьянскому восстанию, в России же они привели сначала к голоду, а затем к гражданской войне, в которой крестьянское восстание слилось с внутриэлитным конфликтом, подобным английской «войне Роз». Так же, как в Англии (и в некоторых других странах), причина внутреннего конфликта имела демографически-структурный характер: в условиях борьбы за ресурсы дворянство было расколото на различные фракции и сражалось само с собой (а также с восставшими крестьянами, казаками и с боярской властью). Чрезвычайно важным было участие в борьбе «треть-

ей силы», нового сословия крестьян-казаков, сформировавшегося на южной границе; многие крестьяне в ходе войны «показались» и вошли в состав этого сословия³⁰.

В конечном счете, долгая война привела к уменьшению численности дворянства. В 1580-х гг. численность дворянского ополчения, ежегодно выходившего на южную границу, составляла 65 тыс. всадников; в 1630 г. полевую службу могли нести лишь 15 тыс. дворян³¹. Таким образом, в России был отчасти реализован английский вариант восстановления нарушенного кризисом социального равновесия — вариант, когда это равновесие восстанавливается путем самоистребления элиты.

Примечания

¹ Корещий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 16, 301.

² Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением. (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 230.

³ Абрамович Г.В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI — первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма. Л., 1985. С. 148.

⁴ Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII веков. М., 1997. С. 415.

⁵ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988; Станиславский А.Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. М., 1990; Dunning Ch. Cossaks and the Southern Frontier in the Time of Troubles // Russian History. 1992. Vol. 19. P. 57–74.

⁶ Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI–XVIII веков. М., 1995. С. 114.

⁷ История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 438–439.

⁸ Скрынников Р.Г. История Российская... С. 345.

⁹ Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. P. 5–8.

¹⁰ Crumme R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century // Journal of early modern history. 1998. Vol. 2. P. 166–168.

¹¹ Kastanov S.M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. S. 329.

¹² Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 72–73.

¹³ Флетчер Д. О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 76–78.

¹⁴ Корещий В.И. Указ. соч. С. 91.

¹⁵ Freedman P. Rural society // The New Cambridge Medieval History. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 82–101.

¹⁶ Корещий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 111–115; Корещий В. И. Закрепощение крестьян... С. 46–47.

¹⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 183.

¹⁸ Корещий В.И. Формирование крепостного права... С. 86.

¹⁹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 46.

²⁰ Цит. по: Корещий В.И. Формирование крепостного права... С. 161.

²¹ Там же.

²² Корещий В.И. Формирование крепостного права... С. 212; Сказание Авраамия Палидина. М.–Л., 1955. С. 107.

²³ Цит. по: Корещий В. И. Формирование крепостного права... С. 131.

²⁴ Корещий В.И. Формирование крепостного права... С. 208; Масся И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.–Л., 1937. С. 59, 61.

²⁵ Греков Б.Д. Очерки по истории феодализма в России // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 72. С. 142; Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 98.

²⁶ Сказание Авраамия Палидина... С. 108.

²⁷ Сказание Авраамия Палидина... С. 108, 110.

²⁸ Цит. по: Готье Ю.А. Смутное время. М., 1921. С. 35.

²⁹ Dunning Ch. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park, 2001. P. 116–117; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 63, 87, 245–246. ❖